

Нелли ПЕТКОВА:

СПОРТОМ ЗАНИМАЛАСЬ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО ЖЕНСКИМ: стрельба глазами и все такое прочее

Наша встреча с Нелли Петковой в Останкино началась с конфуза. Опаздывая на интервью, мы проскочили в указанную комнату мимо очаровательной дамы в весьма романтическом платье. В этом вольном наряде трудно было узнать популярную телеведущую программы «Время», которую на экране более привычно видеть в подчеркнуто деловом костюме. Впрочем, в своем замешательстве мы оказались не одиноки. Штатный дизайнер редакции ИТА ОРТ, окинув взглядом внешний вид Нелли, несколько опешил: «Вы сегодня в эфире?» К нашему общему счастью, этот день был у Петковой свободным, благодаря чему ко всем прочим ее несомненным достоинствам прибавили остроумие собеседницы:

Корр: — Признаться, впервые услышанное года три назад «Нелли Петкова» у меня почему-то вызвало ассоциацию с художественной гимнастикой. Может быть, в своем воображении я был недалек от истины?

— Имела ли я какое-то отношение к художественной гимнастике и спорту вообще?

Никогда в жизни. Спортом занималась исключительно женским: стрельба глазами и все такое прочее. Так что ваше воображение оказалось слишком богатым. Докопаться до истинной фамилии у женщины бывает трудно. Петкова — это фамилия первого мужа...

См. стр. 5

21.00 Время

Продолжение.
Начало на стр. 1

Корр: — Итак, разговор о личном и семейном позвольте оставить на десерт, а пока хотелось бы поинтересоваться, как вы попали на телевидение?

— Это было так давно, что трудно вспомнить. В 17 лет я пришла на Калининградское телевидение одновременно с поступлением на филфак местного университета. Телевизионщиком была моя бабушка, что в известной мере повлияло на мой профессиональный выбор. Начинала помощником режиссера. Отец был военным, поэтому семье пришлось много ездить по стране. Работала в Магадане, Чите, снова в Калининграде, потом оказалась в Москве. Первым журналистским опытом были детские передачи. В Магадане вела уже собственную молодежную программу, а на Московском телевидении сначала занималась телевикториной об истории столицы, позже работала в качестве автора ведущей видеоканала «Добрый вечер, Москва». В 1992 году перешла на первый канал в информационную программу «Новости», которой не так давно вернули прежнее название — «Время».

— Ни у какой другой информационной программы нет такого богатого прошлого, как у «Времени». Вы ощущаете себя преемницей традиций С. Жильцовой, Н. Бодровой, С. Моргуновой?

— Они были дикторами, а это немножко другая профессия. Что касается традиций этой редакции, то я отношусь к ним не просто с глубоким почтением, но с благоговением. Люди, проработавшие здесь много лет, пользуются огромным авторитетом. Костяк программы — опытные режиссеры Галина Вишнева, Таня Петровская, Карелия Кислова. Я стараюсь вобрать все лучшее из прежней программы, естественно, придавая своей работе современное звучание.

— Должен ли ведущий быть эмоциональным?

— Бывают моменты, когда эмоции сдерживать очень трудно. В последнее время приходится пропускать через себя большой поток информации о трагических событиях. Но вдаваться в истерический тон крайне неуместно. Когда факты говорят сами за себя, то было бы излишним возбуждать зрителей своими эмоциями. Сдержанность — мое кредо.

— Понятно, что блоки новостей подготовлены заранее. Однако находится ли место в прямом эфире для экспромта?

— «Заранее» в данном случае — понятие относительное. На подготовку каждого выпуска (их всего три) мне отводится не более трех часов. Дай Бог, если я успею изложить факты на тех листах, которые лежат у меня в папке. А прописать информацию, подобрать нужные слова, исправить что-то в следующем тексте — это все продолжаю делать уже в эфире, пока идет какой-нибудь сюжет.

— Случаются казусы в прямом эфире?

— Ни один эфир не проходит гладко. Но мне почти всегда удается выкрутиться так, что зрители не замечают каких-то шероховатостей. Я вела эфир 9 Мая. Естественно, первым запланировали сюжет о параде на Красной площади. Уже пора было начинать выпуск, а «картинка» не готова. За какие-то доли секунды успели изменить программу так, что передача началась с хроникального сюжета о праздновании Дня Победы народами Советского Союза. Зрители восприняли это нормально. Представляете, как можно было бы испортить людям праздничное настроение, если бы я вышла в эфир и заявила: «Извините, сюжет о параде на Красной площади не готов».

— Часто приходится работать в экстремальных ситуациях?

— Каждый эфир — это по существу экстремальная ситуация. Говорят, что состояние человека, работающего в прямом эфире, можно сравнить только с состоянием летчика, который ведет самолет сам, без помощи автопилота. Существуют медицинские исследования, которые характеризуют нашу профессию как одну из самых стрессовых.

— Вы считаете ее творческой?

— Не могу сказать, что моя творческая потенция целиком реализуется в процессе нынешней работы. Мне бы хотелось самой что-то иногда снимать, для чего, к сожалению, не хватает времени. Порой пытаюсь оторваться, прошусь в командировки, и тогда меня заносит в Канаду на парад санта-клаусов или в Магадан, где снимаю фильм про певца Вадима Козина. Какое-то отдохновение необходимо. С другой стороны, профессия телеведущего требует таких качеств, которые есть не у всякого журналиста, работающего за кадром в жанре репортажа.

— Каких именно?

— Для ведущего важно то, что я называю умением компилировать, то есть быстро схватывать, соединять «верхушки» фактов. Мне некогда вдаваться в их подробности. Главное — схватить суть информации.

— Как говорится, «въехать» в тему?

— Да.

— И какие темы вы предпочитаете? Что вас интересует больше: политика, экономика или санта-клаусы?

— Странно сказать, но политика. Раньше, как всякий нормальный человек, я интересовалась ею в пределах разумного. Но поскольку это в значительной мере стало моей профессией, то я вынуждена следить за политическими процессами более серьезно. И потом, политика — это захватывающий театр. Одни входят в азарт, наблюдая за спортивными соревнованиями, другие — посещая казино. Я же отнюдь не к тем, кто испытывает острые ощущения от политических баталий.

— Личные политические пристрастия не мешают вам в работе?

— Кажется, мне удается не выдавать их, потому что получаю какие-то комплиментарные отзывы от политиков, коих в душе вовсе не поддерживаю, и в то же время слышу критику в свой адрес от прямо противоположных группировок. То есть, с одной стороны... нет, не буду уточнять.

— Вы бы не хотели поделить своими политическими симпатиями?

— Ни в коем случае!

— Нелли, вы наблюдаете по телевизору за работой ваших коллег?

— Моя профессиональная потребность — находиться

— Популярность, узнаваемость «шопингу» не помеха?

— У меня есть одно замечательное качество, которое я очень люблю: вот если сейчас я смою косметику, надену очки, то меня не то что зрители, но даже родная мама не узнает. Поэтому я могу спокойно гулять с ребенком, оставаясь совершенно неузнаваемой.

— Видимо, в этом есть свой кайф?

— Действительно, кайф — то самое слово, которым можно охарактеризовать это состояние. Однажды в спешности, достаточно близкой к эфирной, я зашла в гастроном купить костей для собаки. В очереди ко мне пристал негрятский студент с просьбой об автографе. Собралась толпа

СПОРТОМ ЗАНИМАЛАСЬ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО ЖЕНСКИМ: стрельба глазами

и все такое прочее

в информационном потоке. Если не читаю газету, не смотрю телевизор, то слушаю радио, которое дома «молотит» целый день. Программы коллег смотрю прежде всего с точки зрения получения информации. При этом, разумеется, наблюдаю как профессионал за их работой. Чем лучше получается у Тани Митковой, Светы Сорокиной, Аринки Шарановой, тем больше у меня стимулов совершенствоваться. Когда программу «Время» стал вести Саша Панов, я вдруг поняла, что обязана работать более собранно. Был период, когда я несколько расслабилась, почувствовала, что все у меня о'кей, руководство любит, коллеги уважают. Пришел Панов и стал работать здорово. Это меня по-хорошему задело, подхлестнуло. Здесь нет какой-то зависти или злости.

— Какие у вас отношения с коллегами из других информационных программ?

— Не могу сказать, что у меня есть подруги среди ведущих других программ, но отношения нормальные. Месяца два назад на приеме в Болгарском посольстве познакомилась со Светой Сорокиной, хотя у обеих было ощущение, что знаем друг друга давно. Выпили с ней за встречу первого телеканала со вторым.

— Одна из ваших коллег посетовала, что телевидение «не помогает ей ощущать себя женщиной». Насколько это верно применительно к вам?

— Скорее, не телевидение, а редакция информации. Ведущий новостной программы — все-таки мужская профессия. Если мне при этом удастся оставаться женщиной, то это во многом заслуга моих коллег — мужчин в редакции, которые относятся ко мне прежде всего как к женщине. Они не забывают сделать комплимент, подчеркнуть, что хорошо выгляжу. Это помогает сохранить свое женское начало.

— Татьяна Комарова как-то призналась, что прежде руководство собиралось ее уволить, потому что у нее при чтении информации было «не то выражение лица». Каким все-таки должно быть лицо у ведущего, чтобы нравиться зрителям и устраивать начальство?

— А ведущий — не медный пятак, чтобы всем нравиться. Что такое выражение лица? Его, как говорится, к делу не пришьешь. Наше дело — слова, а не мимика.

— Ваш внешний вид — костюм, прическа — дело личного вкуса или руководство вносит какие-то коррективы?

— Никаких корректив нет, хотя сейчас в нашей редакции работает профессиональный дизайнер, который пытается нам помогать. Но он — теоретик. А причисывают, одевают конкретные мастера и модельеры. Мой визажист — известный в Москве французский дизайнер Джордж Ровэлс, на протяжении года занимающийся моими прическами. Причем делает это совершенно бесплатно.

— Для него престижно работать с вами?

— Да, он этого не скрывает. Вы бы его видели! Шляпа с перьями, костюм в горошек — в общем, глубоко художественная натура. Ему нравится со мной работать как с моделью. Навертит какую-нибудь зашибенную прическу, на что я ему говорю: «Джордж, я не могу так выйти в эфир!» А он: «Ну тебе же это здорово идет!» А костюмами занимается известный модельер Галина Гагарина.

— Расходы на эфирный гардероб телекомпании возмещает?

— Нет, это наши проблемы. Благо сейчас, с переходом в ОРТ, стали платить не то чтобы большие деньги, но, во всяком случае, на них я могу себя содержать. Сегодня руководство имеет право спросить с меня, почему я оделась плохо, а не хорошо. А зарплата, которую получала в «Останкино», мне хватило бы на рукав от костюма, в котором выходила в эфир.

— С приходом в редакцию информационных программ изменилось что-то в вашем быте?

— Нет. Я всегда занималась домашним хозяйством без особого удовольствия, по необходимости. У меня есть муж, сын, завели собаку. Иногда глаза у них бывают голодными. Я прекрасно понимаю, что если при «ликвидации» этого голодного взгляда буду пользоваться только сосисками и сардельками, то рано или поздно начнется бунт. Приходится готовить что-нибудь эдакое. Что касается хождений по магазинам, то теперь с этим проблем нет: заезжаешь в любой супермаркет и покупаешь продукты без всяких очередей.

народу. Согласитесь, это не совсем подходящая сцена для очереди за костями. Тогда я поняла, что не надо ходить в магазин в таком виде. Темные очки, туфли без каблук, обыкновенное платье — и вперед! Москва тем и хороша, что можно затеряться в толпе, где до тебя по большому счету никакого дела нет. Я — московский «муравей», это ощущение помню с юности.

— Как вы отдыхаете после рабочего дня?

— Чтобы избавиться от информационного перенасыщения, хочется заняться чем-нибудь глупеньким: почитать дурацкую книгу, посмотреть дурацкое кино. Я по гороскопу Рыба. Элементарный душ смыкает с меня всю дневную тяжесть. После этого снова хочется включить телевизор, посмотреть новости.

— Ваши развлечения, помимо вероятных прогулок с собакой?

— Не угадали. Я не большой любитель собак.

— Кто же был инициатором домашней живности?

— До сих пор не могу выяснить. Как-то стихийно сложилось, что в доме появилась французская бульдожка. Ребенок ее очень полюбил. Андрюша — мальчик не драчливый, но за оскорбление своей собаки даже кому-то в глаз дал. Назвали ее Сент-Мерфи Синдирелла — это все клубные навороты, на которых был поставлен крест после того, как наша «Золушка» сожрала свою ценящуюся карточку. Теперь она просто «Синька».

— Занятно. Но вернемся к вашим любимым занятиям.

— Люблю шить, вышивать крестиком. По выходным — дача, будь она неладна. С тех пор, как стали там что-то сажать, я пришла к выводу, что урожай — это стихийное бедствие. Отдых по большому счету — путешествие. Только оно позволяет по-настоящему отвлечься от текущих, что мы с мужем стараемся делать примерно раз в три месяца.

— Как далеко путешествуете?

— Зависит от времени и средств. Одно из последних мест, где побывали, — Мальдивские острова: дивное побережье, белый песок, тишь да гладь абсолютная. Теперь мне понятно желание Жириновского помыть сапоги в Индийском океане. Это приятно и удобно.

— Если не секрет, чем занимаетесь ваш муж?

— Не секрет. Он тоже работает на телевидении, директор Центра Коммерческого ТВ, наиболее известной продукцией которого является телесериал «Горячев и другие». Помимо, нормальная отечественная «мыльная опера», не хуже американских.

— Вы не принадлежите к многочисленным поклонникам марий, роз, марини?

— Когда хочется чего-нибудь глупенького, то смотрю «Санта-Барбару» — есть такой грех.

Беседовал Виктор БАРУЛИН.

Фото Александра ОРЕШИНА